

ПОЛ АНДЕРСОН

КОДУНЬЯ ИЗ МОРЯ ДЕМОНОВ

POUL ANDERSON
WITCH OF THE DEMON SEAS

Пол Андерсон

Колдунья из моря Демонов

«СОЮЗ»

1851

Андерсон П. У.

Колдунья из моря Демонов / П. У. Андерсон — «СОЮЗ», 1851

ISBN 978-5-6048353-4-0

Мужественный светловолосый гигант Корун – принц небольшого прибрежного государства Конахура, не склонился перед волей алчных имперцев Ахеры, завоевавших его землю. Существованию в роли номинального главы бывшей страны он предпочел вольную жизнь пирата, став одним из самых сильных, безжалостных и опасных морских разбойников. Много лет бороздил он моря и океаны, грабил и топил корабли, пока не попал в руки к заклятым врагам, которые имели на него собственные планы. Благородный пират должен стать их проводником к морю Демонов.

ISBN 978-5-6048353-4-0

© Андерсон П. У., 1851

© СОЮЗ, 1851

Содержание

I	6
II	10
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пол Андерсон

Колдунья из моря Демонов

POUL ANDERSON

«Witch of the Demon Seas», 1951

(перевод с английского А. Грузберг)

© Издательский Дом «СОЮЗ»

* * *

Провести черный галеон в неведомую и страшную крепость колдунов ксанти, в самые челюсти судьбы? Корун, осужденный пират из Конахура, рассмеялся. Да, он сделает это, и с радостью, это будет означать отсрочку топора палача, еще несколько драгоценных моментов жизни и любви... хотя это любовь колдуньи.

I

Кроман, завоеватель, талассократ Ахеры, смотрел, как его охрана ведет пленных пиратов. Он крупный мужчина, его волосы и квадратная борода, несмотря на средний возраст, черные, как смоль, в его могучем теле еще видна боевая молодость. На нем простая белая туника и плащ с пурпурной оторочкой; единственные признаки его царского достоинства – золотая корона на голове и перстень с печаткой на пальце. Он представляет жесткий контраст пестрой толпе болтающих придворных.

– Итак, его все-таки поймали, – произнес он. – Мы наконец избавимся от Коруна и его морских бандитов. Может, сейчас будет хоть немного мира.

– Что ты с ним сделаешь, сир? – спросил колдун Шорзон.

Кроман пожал тяжелыми плечами.

– Не знаю. Пиратов обычно скармливают на играх эриниям, но Корун заслуживает чего-то особого.

– Может быть, публичные пытки, сир? Их можно растянуть на много дней.

– Нет, идиот! Корун – самый мужественный враг, какие только были у Ахеры. Он заслуживает почетной смерти и достойной могилы. Конечно, это не имеет особого значения, но...

Шорзон обменялся взглядом с Хризеей и снова посмотрел на приближающуюся процессию.

* * *

Город Таурос построен на полукруглом заливе, широком пространстве чистой зеленой воды, где стоят корабли с половины мира, это величайшая гавань на кто знает сколько пустых морских лиг, столица Ахеры; с ее торговлей, с империей на архипелаге, Ахера – величайшая из талассократий. За укрепленной морской стеной в конце залива до самого туманного горизонта вздымается могучий океан, серый, и зеленый, и янтарный. Весь залив за стеной забит кораблями и парусами – ярким смешением до самых каменных причалов.

От берега земля круто поднимается: Таурос построен на холме, путаница улиц с домами – от глиняных хижин бедняков до мраморных дворцов знатных. За городскими стенами со стороны суши остров Ахера вздымается еще круче; это пустынная скалистая местность с несколькими разбросанными фермами и стадами. Сила Ахеры в море.

Широкая прямая дорога, со сфинксами с обеих сторон, ведет прямо к дворцу, который стоит на высоком холме над городом. В конце дороги широкие мраморные ступени ведут к ароматным имперским садам, окружающим дворец.

Улицы забиты народом, толпы стремятся увидеть солдат, ведущих пленных во дворец. Известие о том, что Корун из Конахура, самый опасный из пиратов, наконец захвачен, привело купцов в экстаз и обрушило цены на страховку. В толпе смеялись, издевались над пленными, приветствовали короля.

Но не все. Конечно, толпа в основном состоит из ахерцев, стройных темноволосых людей, одетых по преимуществу в легкие туники и сандалии, гордых своей древней мощью и культурой. Они громче всех выкрикивают оскорбления пиратам. Но есть и другие, молчаливые, с мрачными лицами; они не осмеливаются высказать свои мысли, но те и так ясны. Рослые светловолосые люди из самого Конахура, обманутые ахерским правлением; закутанные в меха варвары из Норрики; синекотие дикари из Умлоту, гордящиеся своими пиратами; рабы с сотен островов, которые не забывают дом и поняют, что Корун всегда освобождал рабов с захваченных кораблей или городов. Другие могут оставаться нейтральными, они пришли издалека, а Корун

нападал только на галеры ахерцев: черные люди с туманного Орзабана, меднокожие хилатцы, желтые колдуны из загадочного Хиунг-ну.

Солдаты быстро вели пленных по улицам. Все они наемники, синие умлутуанцы, в сверкающих латах, поножах и шлемах ахерской армии, вооруженные ахерскими короткими мечами и квадратными щитами, а также своим особым оружием – длинными алебардами. Когда толпа слишком приближалась, они взмахивали прикладами с силой, способной сломать кости.

Пленные пираты в основном из Конахура, хотя есть и представители других земель. Они устало спотыкались, одетые в рваную одежду, руки и ноги у них в цепях. Только один из них, тот, что впереди, шел прямо и с высокомерием победителя.

– Должно быть, это сам Корун вперед, – сказала Хризей.

– Да, – кивнул Шорзон.

* * *

Они подошли поближе, чтобы лучше видеть. Придворные незаметно отшатывались от них. Советника Кромана и его внуки в Тауросе боялись.

Шорзон высокий, худой и сухой, слово Небесный-Огонь из-за вечных облаков спустился на него и выжег всю влагу из жилистого тела. У него благородные черты лица старого ахерского аристократа, но глаза мрачные, впавшие и горят необычным огнем. Даже в теплый полдень на нем черное одеяние до самых ног, белая борода стремится вверх него. В народе знают, что он учился колдовству в Хиунг-ну; поговаривали, что, несмотря на всю хвастливую силу Кромана, именно Шорзон править царством.

Кроман женился на дочери Шорзона – никто не знал, кто был ее матерью, хотя думали, что она колдунья из Хиунг-ну. Она недолго прожила после рождения Хризей, и воспитывать внуку пришлось Шорзону. Был слух, что она по колдовской силе не уступает ему самому.

Она точно могла быть жестокой и неуправляемой. Но ее необычная темная красота привлекала и терзала мужчин; не сосчитать, сколько мужчин готовы умереть за нее... и говорили, что многие и умирали... после одной-двух ночей.

Она рослая и гибкая, с небесно-черными волосами, которые, неубранные, свисают до талии. Глаза огромные и темные на странно привлекательном лице, и полный красный рот противоречит аскетическому, божественному совершенству лица. Сегодня она не надела тяжелые придворные золотые украшения и драгоценности; белое платье ослепительными складками свисает с ее тела, и кажется, что поблизости больше нет ни одной женщины.

Пленные прошли через тяжелые дворцовые ворота, и они закрылись за ними. Они по ступеням поднялись в аромат зеленых деревьев и кустов, цветущих растений и журчащих фонтанов сада. Здесь они остановились, и придворные жужжали вокруг них, как мухи вокруг дохлой антилопы.

Кроман подошел к Коруну.

– Приветствую тебя, – сказал он, и в его голосе не было насмешки.

– И я тебя приветствую, – ответил пират таким же ровным голосом.

Они смотрели друг на друга, два сильных человека, понимающих друг друга. Корун не ниже Кромана, он светлокожий гигант в цепях и в отребье. Выбеленные непогодой светлые волосы падали на плечи с высокомерно поднятой головы, яростные голубые глаза, не дрогнув, смотрели на короля. Лицо худое, с длинными челюстями, с орлиным носом; оно закалено в горечи, страданиях и в бесконечной битве. Скованный эриний не бы смотреть на своих врагом менее яростно.

– Мне понадобилось много времени, чтобы захватить тебя, Корун, – сказал Кроман. – Долго пришлось охотиться. Однажды у меня едва не было удовольствия от личной встречи с

тобой. Это было, когда ты ограбил Сераполис, помнишь? Я оказался там и погнался за тобой в большой военной галере. Но нам так и не удалось тебя догнать.

– Одному кораблю удалось. – Голос Коруна звучал необычно мягко для такого рослого мужчины. – Корабль не вернулся, как ты можешь помнить.

– Как все же тебя удалось схватить? – спросил Кроман.

* * *

Корун пожал плечами, и цепи на его запястьях загремели.

– Ты знаешь достаточно, и мне нечего добавлять, – устало сказал он. – Мы зашли в Илионтский залив, и там нас ждал целый флот. Кто-то наконец выследил нашу крепость. – Кроман кивнул, и Корун снова пожал плечами. – Нам отрезали отступление, и мы сражались, пока все не погибли или были захвачены. Выжило всего человеке пятьдесят. К несчастью, в битве меня ударили, и я пришел в себя уже пленником. Иначе... – Он голубыми глазами презрительно осмотрел придворных. – Я бы сейчас мирно кормил рыб, а не стал бы зрелищем для твоих безмозглых приближенных.

– Не буду тянуть, Корун, – сказал Кроман. – Твоих людей отправят, конечно, на игры, но тебя пристойно и не публично обезглавят.

– Спасибо, – ответил пират, – но я лучше останусь со своими людьми.

Кроман удивленно посмотрел на него.

– Но почему ты это сделал? – спросил он наконец. – С твоей силой, мастерством и хитростью ты далеко зашел бы в Ахере. Ты знаешь, мы берем наемников в завоеванных провинциях. Со временем ты получил бы ахерское гражданство.

– Я был принцем Конахура, – медленно сказал Корун. – Я видел, как мою землю завоевали, а мой народ превратили в рабов. Я видел, как погибли мои братья в битве у Лирра, как твой адмирал взял в наложницы мою сестру, моего отца повесили, а мать сожгли живьем, когда подожгли старый замок. Мне предложили помилование, потому что я был молод, а им нужен был номинальный глава. Поэтому я поклялся в верности Ахере и при первой же возможности нарушил свою клятву. Это единственная клятва, которую я когда-либо нарушал, и я до сих пор этим горжусь. Я плавал с пиратами, пока не стал достаточно взрослым, чтобы владеть своим кораблем. Этого хватит для ответа.

– Возможно, – медленно сказал Кроман. – Ты, конечно, понимаешь, что завоевание Конахура происходило до того, как я сел на трон? И что мой долг перед талассократией требовал положить конец непрерывным восстаниям?

– Я ничего не имею лично против тебя, Кроман, – с усталой улыбкой сказал Корун. – Но я отдал бы свою душу адскому огню за возможность уничтожить твой проклятый дворец у тебя на глазах!

– Мне жаль, что все должно так кончиться, – сказал король. – Ты смелый человек. Я бы хотел выпить много кувшинов вина с тобой по другую сторону смерти. – Он сделал знак стражникам. – Уведите его.

– Минутку, сир, – сказал Шорзон. – Ты собираешься закрыть всех пленных в одной камере?

– Я так хотел сделать. А что?

– Не доверяю их главе. Закованный в цепи и запертый, он все равно представляет угрозу. Я полагаю, он владеет магической техникой...

– Это ложь! – плюнул Корун. – Мне не нужны твои вонючие бабские хитрости, чтобы разоблачить ложь Ахеры!

– Я не стал бы помещать его вместе с его людьми, – невозмутимо продолжал Шорзон. – Пусть будет в одиночной камере. Я знаю нужное место.

– Что ж, пусть будет так.

Кроман махнул рукой, приказывая всем уйти.

Поворачиваясь, чтобы вести стражников, Шорзон обменялся взглядом с Хризеей. Она смотрела вслед уходящим пленным.

II

Камера не выше роста человека – вырубленная в скале пещера, по стенам которой текут струйки воды. Корун в полной темноте сидел на мокром полу. Цепи, соединенные с кольцами в стене, звякали, когда он шевелился.

Вот как все кончается, с горечью думал он. Дикая жизнь изгнанного завоевателя, качка кораблей на волнах, смех товарище, звон мечей и свист ветра в снастях, вот к чему это все привело: одинокий человек сидит в темноте в холодной камере, ожидая в этой лишенной времени тьме дня, когда его выведут и отдадут диким зверям на потеху безмозглой толпе.

Через какие-то промежутки его кормили, раб приносил чашку тюремной похлебки, а вооруженный копьем стражник стоял вне досягаемости и наблюдал. В остальном он оставался один. Он не слышал даже голосов других пленников, только капала вода, и жестко скрипели цепи. Камера, должно быть, ниже обычных темниц, в самом чреве острова.

В его сознании проплывали смутные образы: высокие скалы вокруг Илионтского залива, крупные цветы, мрачным пламенем горящие в джунглях, и у берега стоящие на якоре длинные черные галеры пиратов. Он помнил открытое море, вечно затянутое тучами небо, под которым дуют влажные ветры; идет дождь, блестят молнии, и под тучами ступают голубые сумерки. Он часто думал, что там, выше этих туч.

Иногда, вспоминал он, можно увидеть смутный диск Небесного-Огня, и он слышал о временах, когда невероятно сильные бури на мгновение разрывали слои туч, пропуская ослепительный луч, от прикосновения которого закипала вода и землю охватывало пламя. Это заставляло его думать о рассуждениях конахурских философов: будто бы мир – это шар, вокруг которого вращается Небесный-Огонь, принося день и ночь. Некоторые заходили еще дальше и полагали, что движется мир, а Небесный-Огонь – это шар пламени в центре творения, вокруг которого вращается все остальное.

Но сейчас он в цепях, вспомнил Корун, его народ склоняется перед волей алчных проконсулов Ахеры, его искусство и философия стали игрушкой завоевателей. Молодое поколение растет с мыслью, что лучше смириться, ассимилироваться в талассократии и постепенно завоевать равный статус с гражданами Ахеры.

Но Корун не мог забыть пожары под разрываемом ветром ночным небо, тела, качающиеся на веревках с деревьев, длинные ряды людей в цепях, которых плети Ахеры гонят рабами на корабли. Может, он слишком долго таил зло? Нет, клянусь Бреннахом Бреннаром! У него была семья, которой больше нет. Одного этого достаточно, чтобы таить зло всю жизнь!

Жизнь, сардонически подумал он, которая очень скоро кончится.

* * *

Он устало вздохнул в затхлой темноте своей камеры. Слишком много воспоминаний. Годы жизни пирата были трудными и отчаянными, но бывали и хорошие дни. Были песни, и смех, и товарищество, и героические дела на бескрайних водах – долгие голубые тихие сумерки, мягкие черные ночи, серые дни, когда море, серое, и зеленое, и золотое, струилось под потоками дождя, бури ревели, корабли летели, как на крыльях; была ярость и безумие битвы, когда захватывали город или галеру, смерть бывала так близко, что словно слышался шум ее гигантских черных крыльев, оргия грабежа и мести; пиратский город, травяные шалаши под покровом джунглей, набитые сокровищами, полные скандальной жизни и драк, лица мужчин в шрамах и дерзких женщин, красные огни костров, отгоняющие ночь, а прибой бесконечно гремел на берегу...

Что ж, все когда-нибудь кончается. И хотя он хотел бы для себя другой смерти, долго ждать не придется.

Что-то шевельнулось в глубине длинного коридора, и он уловил мерцание факела. Нахмурившись, встал, наклонившись под низким потолком. Кто там? Для еды слишком рано, если чувство времени ему совсем не отказало; но он считал, что за несколько дней в темнице этого не могло произойти.

Они остановились у входа в темницу и смотрели на него в красном свете факела. Губы Корун изогнулись в рычании. Шорзон и Хризей.

– Все отбросы Ахеры, – проворчал он. – Я могу заразиться от вас.

– Сейчас не время для наглости, – холодно сказал колдун.

Он выше поднял факел. Красный огонь отбросил на его лицо тень, словно пятна крови. Глаза его были двумя темными пропастями, в которых горели угли. Черное одеяние сливалось с окружающей тенью, лицо и руки, казалось, бестелесно плывут во влажной мгле.

Корун посмотрел на Хризей. Несмотря на кипевшую в нем ненависть, он вынужден был признать, что она, вероятно, самая красивая женщина, каких ему приходилось видеть. Высокая, стройная, и гибкая, движущаяся с безмолвной грацией сандувианского феракса, блестящие черные волосы обрамляют холодную скульптурную красоту ее мраморно-белого лица; она ответила на его взгляд взглядом глаз темного пламени. Одета она как для действий: короткая туника, оставляющая обнаженными руки и ноги, короткий черный плащ и высокие котурны, но на горле и запястьях блестят драгоценности.

За ней перемещалась легкая тень, при виде которой Корун напрягся. Он слышал о прирученном эринии Хризей. Говорили, дьявольский хищник нашел более жестокое сердце в груди колдуньи и подчинился ему; кое-кто говорил и другое, что не стоит упоминать.

Раскосые зеленые глаза смотрели на Корун, жестокая пасть зевнула, обнажив острые зубы.

– Назад, Периас, – спокойно сказала Хризей.

Голос ее звучал низко и мягко, почти ласково. Казалось невероятным, что такой голос мог произносить ритуальные слова черной магии, приказывать сжечь живьем тысячи беспомощных иссарианских пленников и создавать самые черные в кровавой истории Ахеры заговоры.

Но она сказала Коруну:

– Отличный конец для твоих благородных мыслей, человек из Конахура.

– По крайней мере, – ответил он, – ты признаешь, что они у меня были. Это больше, чем я могу сказать о тебе.

* * *

Красные губы изогнулись в циничной улыбке.

– Человеческие цели имеют обыкновение так кончаться. Могучий воин, бич морей, кончает дни в грязной тюремной камере в ожидании невообразимой смерти. Старые эпосы солгали, верно? Жизнь – совсем не славное приключение, как думают глупцы.

– Возможно, это потому, что есть такие, как ты. – Устало: – Уходи, пожалуйста. Если не позволяете мне говорить с моими старыми товарищами, по крайней мере избавьте меня от вашего общества.

– Мы пришли сюда с определенной целью, – сказал Шорзон. – Мы предлагаем тебе жизнь, свободу – и освобождение Конахура!

Он покачал рыжевато-каштановой головой. Глаза его были двумя темными пропастями, в которых горели угли.

– Это даже нет смешно.

– Нет, нет, я говорю серьезно, – искренне сказала Хризия. – Шорзон поместил тебя сюда одного не по злобе, но просто чтобы сделать возможным этот разговор наедине. Мы просим тебя помочь нам в проекте, настолько более грандиозном, чем все ваши мелкие раздоры, что в ответ ты можешь попросить все, что угодно. Ты единственный, кто способен это сделать.

Я говорю это тебе, чтобы ты понял: у тебя есть то, что нам нужно, и ты говоришь с нами как равный, а не как пленник с тем, кто его захватил. Если ты согласишься нам помочь, будешь немедленно освобожден.

Ощувив неожиданно вспыхнувшее в груди пламя, Корун напряг свое большое тело. О, боги! О, всемогущие боги за облаками! Если бы это было правдой...

Голос его дрожал.

– Чего вы хотите?

– Твоей помощи в опасном деле, – сказала Хризия. – Скажу тебе откровенно, что все мы можем погибнуть. Но ты по крайней мере умрешь как свободный человек – а если мы победим, весь мир будет нашим.

– Какое дело? – хрипло спросил он.

– Не могу все объяснить тебе сейчас, – ответил Шорзон. – Но мы слышали, что когда-то ты плывал в логово ксанти в море Демонов и вернулся живым. Это верно?

– Да. – Корун вздрогнул, от неожиданной тревоги напряглись нервы. – Да, мне очень повезло, но я вернулся. Но это не та раса, с которой могли бы иметь дела люди.

– Думаю, силы, которые я могу призвать, не слабее, чем у них, – сказал Шорзон. – Мы хотим, чтобы ты провел нас в их жилища и по пути научил нас их языку и рассказал все, что о них знаешь. Когда вернемся, ты сможешь идти, куда захочешь. И если мы получим их помощь, сможешь потом освободить Конахур.

Корун покачал головой.

– Ничего не получится, – медленно сказал он. – Никто ни по какой причине не захочет приближаться к ксанти.

– Но ты ведь приблизился? – сухо усмехнулся колдун. – Если хочешь правду, нам нужна помощь ксанти, чтобы захватить власть в Ахере, а также получить знания, которые есть у ксанти.

– Если у вас получится, – упрямо возразил Корун, – зачем вам потом освобождать Конахур?

– Потому что власть над Ахерой – только первый шаг на пути к гораздо более могучей империи, чем ты можешь себе представить, – мрачно сказал Шорзон. – Ты должен решить немедленно. Если откажешься, умрешь.

Хризия шевельнула тонкой рукой, и эриний шагнул вперед на лапах с острыми когтями. Кожистые крылья были сложены за длинным черным телом, колючий хвост гневно хлестнул, их горла донеслось рычание.

– Если ты скажешь нет, – послышался сладкий голос женщины, – Периас вырвет твою внутренности. По крайней мере за наши хлопоты получим забавное зрелище. – Она улыбнулась ослепительной улыбкой, которая не раз приводила людей к смерти. – Но если ты скажешь да, – прошептала она, – тебя ждет судьба, которой могут позавидовать короли. Ты сильный человек, Корун. Мне нравятся сильные люди...

Корсар посмотрел в темный теплый блеск ее глаз, потом на ледяной блеск глаз демона-зверя. Ни один невооруженный человек не может выдержать нападение эриния, а он к тому же в цепях.

При мысли о возвращении в мрачный дом ксанти он содрогнулся. Но жизнь так сладка – и если у него будет свобода движений, он сможет уйти от них или даже победить.

Или – кто знает? Со слегка закружившейся головой он подумал, действительно ли эта темная ведьма так зла, как говорят ее враги. Сильная и безжалостная – да, но и он такой же. Когда он полностью узнает их грандиозные планы, возможно, даже подумает, что они правы.

Во всяком случае – жить! Умереть, если придется, но под чистым небом!

– Я пойду, – хрипло сказал он. – Пойду с вами.

Низкий и возбужденный смех Хризей прозвучал в освещенном факелом помещении.

Шорзон подошел и достал из кармана ключ. На мгновение в голове Корун мелькнула мысль: сломать эту тощую шею.

Колдун мрачно улыбнулся.

– Даже нет пробуй, – сказал он. – Как небольшое доказательство того, на что мы способны...

Неожиданно он исчез. В камере вместе с Корун стояло чудовище из джунглей Умлоту, чешуйчатое чудище, которое шипело зубастыми челюстями и выплевывало яд на пол.

* * *

Колдовство! Корун отшатнулся, холодный страх сковал его стальное сердце. Шорзон вернул себе человеческую форму и молча разомкнул цепи. Они упали, и Корун вышел в коридор.

Эриний рывкнул и подобрался ближе. Хризей положила руку на голову зверя, словно хлыстом, остановив его движение. От ее улыбки и слабого аромата волос кружилась голова.

– Идем, – сказала она.

Ее рука скользнула ему в пальцы, и холодное прикосновение словно обожгло его.

Шорзон первым пошел по длинному наклонному туннелю, который освещался только факелами. Их шаги гулко звучали на влажных плитах.

– Мы отправляемся немедленно, – сказал он. – Когда Кроман узнает о твоём бегстве, за нами будет весь Таурос. Но тогда будет уже слишком поздно. Ночью мы поплывем быстро.

Поплывем – куда?

– Что с моими людьми? – спросил Корун.

– Боюсь, они погибнут, если только Кроман не пощадит их до нашего возвращения, – сказала Хризей. – Но тебя мы спасли. Я рада этому.

В туннеле повеяло слабым соленым морским запахом. Должно быть, туннель выходит на море, подумал Корун. И еще подумал, сколько подземных проходов под Тауросом.

Наконец они вышли на узкую береговую полосу под возвышающимися западными утесами. Пропасть уходила в полную тьму ночи, поднимаясь в невидимое небо. Перед ними лежало открытое море, вода слабо фосфоресцировала. Корун глубоко вдохнул морской воздух. Соль, водоросли, влажный дикий ветер – песок под ногами, небо над головой, женщина рядом – клянусь богами, как хорошо быть живым!

У крошечного причала стоит галера. При свете раскачивающихся факелов Корун взглядом моряка осмотрел ее. Та же постройка, что его собственный корабль, стройное черное судно с одним квадратным парусом; с открытой палубой, кроме носа и кормы; с рядами скамей для гребцов по бортам с проходом между ними. Под ютом и баком должны быть помещения для людей, ниже в трюме припасы. В самом широком месте каюты, очевидно, для офицеров, на носу смонтирована баллиста – кроме этого, никаких надстроек. Но носу резная фигура морского чудовища; ахтерштевень, уходя назад, образует ее хвост. Он прочел название на носу – «Брисея». Странно, что такой черный корабль носит имя девушки.

Вместимость примерно пятьдесят человек, подумал он. И корабль быстрый.

Экипаж поднимался на борт – должно быть, моряки по узкому карнизу спустились с утеса. Все синие умлотуанцы, заметил он, банда головорезов, но молчаливые и дисциплини-

рованные. Разумно брать с собой только наемников: их не заботит, что случится с Ахерой, а их безумная храбрость стала легендой.

Подошел коренастый одноглазый офицер и отдал приветствие.

– Все готово, – доложил он.

– Отлично, – кивнул Шороз. – Капитан Имазу, а это наш проводник капитан Корун.

– Пират? – Имазу улыбнулся и пожал руку, как это делают варвары. – Думаю, лучшего проводника нам не найти. Рад познакомиться, Корун.

Пират пробормотал вежливые слова. Имазу ему понравился, и он удивился, что заставило этого моряка служить человеку с такой репутацией, как Шорзон.

Они поднялись на борт.

– Море Демонов прямо на север, – сказал Шорзон. – Маршрут верный?

– Пока да, – кивнул Корун. – Когда подойдем ближе, смогу сказать точнее.

– В таком случае можешь умыться и отдохнуть, – сказала Хризия. – И то и другое тебе необходимо.

Ее улыбка в мерцающем красном свете была теплой.

Корун вошел в каюту. Она была разделена на три части: очевидно, Имазу спал со своими людьми или на палубе, что предпочитают многие. Его помещение крошечное, но аккуратное, только кровать и раковина для умывания. Он вымылся и надел приготовленную для него свежую тунику.

Когда он вышел на палубу, корабль уже шел. Дул сильный южный ветер, наполняя темный парус, и «Брисея» быстро шла по ветру. Вокруг ее корпуса и на волнах сверкала фосфоресценция. Земля уже терялась вдаль.

Ему не дали времени сбежать, подумал он. Если не случится чудо, он вынужден идти с ними – по крайней мере пока не доберутся до моря Демонов. А после этого может произойти что угодно.

Неслышно подошла Хризия и встала с ним рядом. Эриний сидел поблизости, он не отрывал злобного взгляда от Коруна.

– Уходим в море, – сказала она и весело рассмеялась.

Он ничего не ответил, но смотрел вперед в ночь.

– Тебе лучше поспать, Корун, – сказала она. – Ты устал, а тебе понадобятся все силы. – Она положила свою руку на его и громко рассмеялась. – Путешествие будет интересное, слабо выражаясь.

Очень интересное, мрачно подумал он. Он еще одумал, что в путешествии могут быть и приятные моменты.

– Спокойной ночи, Корун, – сказала она и ушла.

Вскоре он пошел в свою каюту. Долго не мог уснуть и спал беспокойным сном.

III

Когда он рано утром вышел на палубу, вокруг до самого серого горизонта была только вода. Должно быть, они оставили позади весь Ахерский архипелаг и теперь находятся где-то в Зурианском море.

В воздухе пахло дождем, и корабль быстро шел под свежим ветром по длинным волнам с белыми гривами. Корун ощутил запах соли, и влаги, и водорослей, бесконечный вид не знающих покоя волн, скрип и бречание корабля и испытал простую животную радость оттого, что оказался дома. Теперь его дом – море, смутно осознал он: он в нем был так долго, что оно стало его естественной средой, это море и чайка, выходящая на белых крыльях в затянутом летящими облаками небе.

Он посмотрел на вахту. Кажется, все нормально, матросы знают свое дело. На носу и корме часовые в латах, остальные в простой одежде, какую носят моряки всего мира, работают у паруса, моют палубу, проводят мелкий ремонт и чем-нибудь занимаются. Свободные от вахты отдыхают или спят в стороне, чтобы не мешать работающим. Рулевой не сводит взгляда в компаса и твердо держит руль – отлично, отлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.